

перечисленных выше, в латышском языке засвидетельствованы такие слова, как глагол *sikt / sikt* 'мельчать; становиться тонким, слабым', прилагательное *siks* 'маленький, мелкий', которые легли в основу исследуемых образований с суф. *-l-* и со значением 'маленький, мелкий (лес, болото, живое существо)'. Эти латышские слова (как и литовское *siklyti*), в свою очередь, входят в большую семью балтийских и, шире, индоевропейских слов, имеющих уже другую огласовку корня и объединяющих значение 'маленький; слабый' со значением 'влажный, мокрый, низменный', ср.: лтш. *sēkls* 'мелкий, мелководный, неглубокий; низменный', лит. *seklūs* то же, к *senkū, sėkti* 'иссякать, истощаться; падать', рус. *сыкнуть, иссякать* (и другие родственные слова в славянских языках), прл. *sesc* 'высохший; не дающий молока', греч. (гомер.) *ἔσκη-ετο* 'иссякать; затаиваться' и т. д. Кроме того, в германских языках существует группа слов с огласовкой корня на *-i-* и значениями, близкими к исследуемым словам балтийских языков: ср.-в.-нем. *sichte* 'мелкий', англосакс. *sīhte* 'болотистый' (Фасмер III, 826).

Определив, таким образом, индоевропейскую этимологию исследуемых слов, мы обнаруживаем, что только в латышском языке развитие корня **sēk- / se(n)k-* привело к закономерному образованию слов на основу *sikl-*, что подтверждает справедливость предположения о заимствованном характере соответствующих слов в славянских и восточнороманских языках. Возникают вопросы: из какого языка были заимствованы эти слова? И — можно ли предполагать действие балтского субстрата для карпатского ареала (как это можно предположить для западных и части средних говоров русского языка)? Ответ на них приходится искать среди данных экстралингвистического характера.

В ряде новых работ по древней индоевропейской этнонимии и топонимии уже отмечались следы балтов в северном Прикарпатье (восточное польско-словацкое пограничье, см. работы В. Н. Топорова⁷ и др.). На этой территории проживало племя *Golensizi*, отмеченное Географом Баварским в IX в., а позднее там существовало племя *Holasicī*. В качестве предков этих племен, след от которых сохранился в имени, предполагаются балтские Галинды. В этом же ареале зафиксировано распространение многочисленных фамилий и топонимов, содержащих основы *Galind-*, *Sūd/in/-*, *Prūs-*, что тоже считается доказательством пребывания в прошлом в этих местах какого-то (скорее всего — западного) племени балтов. Но даже если допустить, что в польских, словацких и украинских говорах слова *sikla / sigla / sikhla* появились в результате воздействия древнего балтского субстрата, то вряд ли можно этой же причиной объяснить появление соответствующих слов в восточнороманских и сербохорватских говорах. Пока что нам неизвестны ни лингвистические, ни экстралингвистические факты, которые позволили бы говорить о балтском субстрате на этой территории. Но однако известно, что в зоне Карпат (от Южной Польши до Югославии) в древние времена проживали иллирийские и, частично, фракийские племена, в языке которых обнаружено немало черт, свидетельствующих об их особой близости

к балтийским языкам. Поэтому можно предположить, что *sikla* 'болото; мокрая, влажная местность; лес' является балто-иллирийской или балто-фракийской лексической изоглоссой, которая сохранилась в виде субстратных слов в части восточнороманских и славянских говоров, находящихся на бывшей территории балто-иллирийских (или балто-фракийских) пограничных контактов и которая продолжает активно существовать в современных балтийских языках.

Примечания

- 1 Wolnicz-Pawłowska E., Rudolf-Ziółkowska E. Z terminologii geograficznej w gwarach bojkowskich. — Z filologii polskiej i słowiańskiej. 1983, 21, 273.
- 2 Скурт дикционар этимоложик ал лимбий молдованентъ / Под ред. М. Раевского и М. Габинского. Кишинэу, 1978, 381.
- 3 Wolnicz-Pawłowska E., Rudolf-Ziółkowska E. Op. cit.
- 4 Там же.
- 5 Скурт дикционар . . . , 381.
- 6 Усачева В. В. Материал для словаря славянских названий рыб. III. — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, 81—116.
- 7 См., в частности: Топоров В. Н. Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа **Galind* как знак балтийской периферии. — SO 1980, 29, 1/2, 247—252.

Т. Б. Лукинова

ЛЕКСИКА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Дальнейшее успешное развитие славянской сравнительно-исторической лексикологии все настоятельнее требует широкого привлечения экстралингвистических фактов. При этом чем древнее изучаемые пласты лексики, тем более возрастает значение данного требования. Особенно важны свидетельства смежных гуманитарных наук, и в первую очередь этнографии, для тех лексических групп, у которых можно предполагать связь с широким комплексом древних верований и представлений об окружающем мире, обусловленными ими обрядами, ритуалами, все вместе относимые к тому, что обозначается термином славянское язычество.

Представляется вполне приемлемым предложенное акад. Б. А. Рыбаковым расширенное понимание славянского язычества как «части огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий»¹. Унаследовав многие элементы духовной культуры предков-индоевропейцев, впитав не менее, если не более многочисленные черты иноплеменных культур, язычество определяло духовный облик славян не только до принятия ими христианства, но и долгое время после этого события. В жизни восточных славян языческая стихия заявляла о себе так мощно, что приходилось говорить об их двоеверии в течение многих столетий. Более или менее явные следы прежних языческих воззрений и языческой обрядности обнаруживаются в разной форме

еще и в наше время (в частности, в виде примет, поверий, детских игр и т. п.)².

Такое длительное и органическое проникновение язычества в жизнь и быт славянских племен и народов не могло не отложиться в славянских языках и прежде всего в лексике. Следует подчеркнуть, что интерес к свидетельствам этнографии и фольклора при исследовании славянской лексики был характерен для филологии еще середины прошлого века. Достаточно вспомнить ряд удачных этимологий, предложенных А. А. Потебней в 60-х годах (*бабочка* и под.). К сожалению, эта линия исследований по ряду причин не получила большого развития ни у самого Потебни, ни у других ученых. Лишь в последние десятилетия снова появился интерес и к язычеству как таковому и к языческим мотивам в исторической лексикологии и семасиологии (труды Н. И. Толстого, Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, О. П. Трубочева, А. В. Десницкой и др.).

Примечательно, что учет возможных ассоциаций, связанных с языческими представлениями, может помочь пролить свет даже на некоторые фонетические и морфологические явления. Так, для метатезы в рус. *ладонь* < *долонь* (праслав. *dolnъ) не исключена возможность влияния слова *лада* 'супруг, супруга' и производных от корня *лад-*, касающихся языческой свадебной церемонии (ср. рус. диал. *лады* 'помолвка' — Даль³ II, 233), в первую очередь, широко распространенных припевов «*ой ладо, ладо*», «*ой дид-ладо*» и под. Постоянное сопровождение свадебных песен плесканием долонным (по-видимому, первоначально имевшим ритуальный характер) привело к возникновению устойчивой ассоциации между пением и действием, что послужило психологической основой для метатезы.

Сходным образом объясняется и субституция *o* → *u* в собственном имени *Кузьма* при более раннем *Козьма*, *Косма* (из греч. *Κοσμάς*). Фольклорные и этнографические данные свидетельствуют, что существовала легенда о святых Козьме и Демьяне как первых кузнецах (в силу звукового сходства имени со словом)³. Постоянная ассоциация Козьмы с *кузнецом*, *кузницей*, *кузнечным делом*, которое рассматривалось как магическое действие, способствовала дальнейшему сближению фонетического облика имени с соответствующим апеллятивом.

На морфологическом уровне в связи с рассматриваемой проблематикой интерес могут представить архаичные основы на согласные, в частности группа *s*-основ. Касаясь семантики слов с этим формантом, С. Б. Бернштейн, например, отмечал: «Именные основы на *-s* характеризуются значительным семантическим разнообразием. Здесь и абстрактные имена типа *nebos-*, *slovos-*, и анатомические термины типа *tēlos-*, *čelos-*, *okos-*, *istos-*, *černos-*, и технические термины — *kolos-*, *igos-*, *ležos-*, *runos-*, *ojos-*»⁴.

Однако можно, кажется, выделить некий семантический стержень, вокруг которого группируются древнейшие *s*-основы: большинство их оказывается тесно связанным со сферой язычества. Прежде всего это касается тех слов, которые имеют соответствия в других индоевропейских языках: *небо*, *слово*, *коло* (*небо* — место обитания богов,

по небу проходит свой ежедневный путь животворное солнце и проплывают тучи, несущие влагу и шам; *слово* издавна наделялось магической силой; разного рода ритуалы и обряды сопровождалась молитвами, заклинаниями, заговорами; с верой в магию слова связано табуирование; следует упомянуть и о том, что *слово* имело в древности значение более широкое, чем лат. *verbum*, оно ближе многозначному греч. *λόγος*; *коло* (*колесо*) выполняло не только важную хозяйственную функцию, но и издавна было символом солнца, круг (*коло*) чертили, чтобы предохранить себя от действия враждебных сил и т. п.).

Чудо, *kudo (ср. рус. *кудесник*, *кудесить* и под.), *диво* — связь семантики этих слов с верованиями очевидна; *дерево* — этнография свидетельствует о культе деревьев как составной части древнейших растительных культов (в языке следом поклонения деревьям может быть этимология слова *здоров* — праслав. *szdorvъ с реконструируемым первоначальным значением 'из хорошего дерева'). Для слов *тело*, *удо*, *око*, *уго* и других анатомических терминов с формантом *-s* можно предположить связь с жертвоприношениями и ритуальным расчленением тела.

Как *s*-основа могло выступать и порядковое числительное *rygvъ; объяснение этому следует искать, по-видимому, в том известном факте, что первому снопу при уборке урожая, первому приплоду у домашних животных, первому ребенку в семье придавалось особое значение, они были объектами определенных ритуалов, их могли приносить в жертву.

Таким образом, обзор семантики славянских *s*-основ с особым вниманием к некоторым семантическим нюансам и с учетом свидетельств, представляемых этнографией, позволяет видеть в них не только четко очерченную грамматическую (морфологическую), но и лексико-семантическую группу.

Детальное обследование в аналогичном плане *n*-основ также может привести к интересным результатам. В частности, в древнейших основах среднего рода на *-ten* (типа *племя* — *племеню*, *имя* — *именю*) просматривается некий общий семантический сегмент, имеющий отношение к рождению ребенка и, возможно, соответствующим этому событию древним ритуалам.

* * *

В изучении лексики, связанной с язычеством, есть свои трудности и притом трудности серьезные. Не случайно В. Н. Топоров писал об «ощущении тупика, знакомом многим исследователям, работающим в этой области»⁵. К числу таких трудностей можно отнести уже само выделение слов, так или иначе входящих в сферу славянского язычества. Лишь сравнительно немногие слова непосредственно отражают «языческие» понятия: рус. *навь*, *русалка*, *домовой*, *водяной*, *волхвоватъ* и под.; больше таких, которые сейчас в сознании говорящих на том или ином славянском языке не ассоциируются с языческой древностью, и лишь этимология этих слов обнаруживает, что когда-то они входили в круг соответствующих понятий (как рус. *хороший*, *врач*, *бабочка*, укр. *дідько*, *кувати*, *треба* и некоторые др.). Можно с уверенностью утверждать, что еще немалое количество

подобных слов, до сих пор не имеющих достоверной этимологии, ждет своих исследователей. Однако пока этимологизирование будет базироваться только на лингвистическом материале, трудно ожидать больших успехов, тогда как широкое использование данных родственных гуманитарных дисциплин способно дать серьезный импульс дальнейшему развитию сравнительно-исторической лексикологии.

Как много может почерпнуть этимолог из этнографии, можно проиллюстрировать на примере рассмотрения гнезд таких, казалось бы, давно всесторонне разработанных слов, как термины родства, в частности слова *баба* и *дед*. Оба слова во всех славянских языках обросли большим числом производных образований. Относительно слова *баба* в польском языке автор, например, «*Słownika rzeczy starożytnych*» отмечал: «*Żaden wyraz w języku polskim niema tyłu znaczeń różnorodnych ile baba i babka*»⁶. Семантика этих производных чрезвычайно пестра и разнообразна: здесь названия и растений, и живых существ (в частности, насекомых), и кушаний, и предметов, относящихся к сельскому хозяйству или быту, есть даже названия облаков и туч. Разобраться во всем этом многообразии, найти мотивацию для каждого слова, исходя только из того, что представляет языковой материал, невозможно. Даже такой маститый исследователь, как М. Фасмер, этимологизируя название растения *дедбк* 'лопух, репейник' прямолинейно толкует: «*дедбк* . . . от *дед* — из-за колючек, которые напоминают небритую бороду старика»⁷. Но все это, казалось бы, хаотическое нагромождение разрозненных фактов приобретает черты относительной упорядоченности и даже некоторой систематичности (хотя бы в плане очевидного параллелизма семантики производных от *баба* и *дед*), как только взглянуть на него через призму этнографии и увидеть в привычных терминах родства еще и названия умерших предков.

Было бы несправедливо утверждать, что отмеченное значение совсем вышло из поля зрения лингвистов: словари, фольклорные тексты фиксируют, например, рус. *бабка* 'дух предка' (*бабки запечные*⁸), *дед* 'домовой' (первоначально 'дух предка, охраняющий дом от чужих, враждебных духов') и суффиксальные образования в том же значении *дэдка*, *дэдко*, *дэдущка*, *дэдунька* (Филлин 7, 330—332), укр. *дідько* 'печистая сила', блр. *дзед*, *дзедка* 'домовой', чеш. *děd*, *dědek* то же, словац. *dedkoviá* 'домашние божки, духи предков, охраняющие дом', и.-луж. *nosne žědki* 'маленькие ночные человечки' и под. Но эти значения воспринимаются исследователями, как второстепенные, глубоко периферийные, что противоречит как обилию и характеру самого языкового материала, так и утверждениям этнографов: последние согласно свидетельствуют о большой роли культа умерших предков у славян-язычников. Н. Н. Велецкая, например, даже полагает, что «культ предков играл определяющую роль в языческом мировоззрении, а также и в генезисе языческой обрядности»⁹. Добрым духам предков посвящали первые (и последние) плоды (отсюда названия, например, снопов: рус. *баба*, *бабка*, укр. *дід*, *дідик* и под.¹⁰, для них готовили ритуальную пищу (отсюда названия блюд), верили, что духи предков могут воплощаться в живых существ

(ср. рус. *бабочка*, польск. *babka*, словен. *babuška* и под.) и даже в тучи и облака: рус. *баба* 'мифическая облачная жена, приносящая живую воду, т. е. дождь' (Филлин 1, 14), чеш. *báby* 'тучи', польск. *dziady* то же.

В этнографическом контексте становится очевидным также, что лопух или репейник называли *дедом* потому, что существовал обычай ставить символ доброго духа — сноп этого колючего растения у ворот или дверей избы, хлева, чтобы отогнать чужих, враждебных духов, нечистую силу, — не случайно репейник называется, также *чертополох*, *чертогон* (ср. и укр. *чортполох*, польск. *czartopłoch*).

Максимальное привлечение и использование этнографических мотивов в лексикографических разработках — лишь одна, хотя и чрезвычайно важная, сторона дела. Не менее плодотворным может оказаться и такой подход, когда, исходя из этнографии, определяется самый объект исследования. К этому вынуждает крайняя расплывчатость и условность границ, отделяющих лексику славянского языка от всех остальных тематических групп. Результативным, например, может быть исследование слов, относящихся к такому древнему и важному культу, как культ огня; немало интересного следует ожидать и от изучения лексики, отражающей культ воды, культ растений, веру в магию слова и под. Свои плоды может дать систематическое обследование и этимологизирование слов, связанных с реалиями, представляемыми археологией (способы захоронений и пр.). Отдельные разработки в этом направлении есть, но их мало.

Широкая и планомерная работа с лексикой славянского язычества способна представить новый материал для изучения древнейших контактов славян с неславянскими племенами (балтами, германцами, угро-финнами, иранцами, тюрками и др.). Так, праслав. *gryrǫ 'упырь', входящее в круг слов, отражающих культ огня (этимологизируется как состоящее из **g-* — префикс отрицания и **ryr-* 'огонь, гореть', общее древнейшее значение 'не преданный огню') имеет точное соответствие в греческом *ἄπιρος* то же¹¹. Независимо от того или иного решения вопроса о происхождении этих слов (независимые параллельные образования? калька в одном из языков? кальки в обоих языках?) они — бесспорное свидетельство древних контактов.

В конечном счете исследование архаичного слоя лексики, отражающей духовную культуру древних славян и в какой-то своей части восходящей к лексике праиндоевропейской, нельзя недооценивать и при решении круга проблем славянского этногенеза.

Примечания

- ¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, 3.
- ² См., например: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века. М.—Л., 1957.
- ³ Лотебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. — Чтения ОИДР, 3, 1865, М., 1865, 161. О Кузьме и Демьяне — кузнецах см. также: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей, М., 1974, 161; Кондратьева Т. Н. Кузьмодемьян-свадебник. — Русская речь 1, 1979, 108—111. О сближении имени со словом *кузнец* — Фасмер II, 403.

⁴ Бернштейн С. В. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974, 163.

⁵ Топоров В. Н. Фрагмент славянской мифологии. — КСИС АН СССР, М., 1961, 30, 15.

⁶ Słownik rzeczy starożytnych. Kraków, 1896, 17.

⁷ Фасмер I, 494.

⁸ Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Київ, 1909, I, 145—146.

⁹ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, 163.

¹⁰ І. А. Рыбаков писал, например, что «у некоторых славянских народов существовало почитательное отношение к последнему снопу, увозимому с поля. Его называли «дедом», «стариком», «бабой»; его зерна считали плодотворными и примешивали их к посевным» (Рыбаков Б. А. Указ. соч., 425).

¹¹ Подробнее см.: Лукинова Т. Б. Лексика слов'янських мов як джерело вивчення духовної культури давніх слов'ян. — IX Міжнародний з'їзд славістів. Слов'янське мовознавство. Доповіді. Київ, 1983, 95—103.

В. Мажулис

И.-е. *GHEI- 'СВЕТИТЬ, СВЕРКАТЬ'

Архетип и.-е. *ghei- 'светить, сверкать' (именно с таким или подобным значением), насколько мне известно, до сих пор никем не восстанавливался. Реконструкция такого архетипа вытекает из предлагаемых нами в статье новых этимологий для соответствующих слов, прежде всего, балтийских и славянских языков, которые, будучи наиболее архаичными из всех живых индоевропейских языков, имеют общеизвестное исключительно большое значение для восстановления древнейшего состояния всех индоевропейских языков.

Начнем с балто-славянского диалектного ареала, в котором архетип балто-слав. *geid- (: *gaid- : *gid-) несомненно предполагают лит. *geid-ė geisti* 'жаждать, страстно желать', *gaid-as* 'страстное желание, алчность, вождение', *gid-is* 'тот, кто жаждет, страстно желает', лтш. *gaid-it* 'ждать, страстно желать' (Mühlenbachs — Endzelins I, 583)¹, др.-прусс. *geid-e* (3 plur. praes.) 'ждать', ст.-слав. *žid-g*, *žyd-ati* 'ждать' и т. п. Для этого балтослав. *geid- исходным (и даже праиндоевропейским) значением обычно считают 'жаждать, страстно желать', а значение 'ждать' — от него производным (Trautmann 82; Pokorny I, 426)². Однако имеются все основания думать, что балто-слав. *geid- имел значение не 'жаждать, страстно желать', а 'ждать', которое сохранилось в западнобалтийском (древнепрусском) и славянском, как в одних из периферийных диалектов древнего балто-славянского языкового ареала³.

Литовский же, как один из центральных диалектов древнего балто-славянского ареала⁴, в данном случае претерпел инновацию: балто-слав. *'ждать' перешло в лит. 'жаждать, страстно желать'. Нетрудно установить, что эта инновация появилась приблизительно в V—VII вв. н. э. — в ту эпоху, когда пралитовско-латышский, до того являвшийся одним из центральных диалектов балто-славян-

ского языкового ареала⁵, распался на пралитовский и пралатышский (древний пралатгалльский)⁶; этот распад, т. е. «отделение» протолатышского от протолитовского обусловлено, прежде всего, тем, что протолатышский в условиях тогдашней миграции протолатышской приблизительно в V—VII вв. н. э. стал пралатышским, т. е. уже одним из периферийных диалектов балтийского языкового ареала. Вот почему лтш. *gaid-it* сохранило древнее значение 'ждать' наряду с производным (инновационным) 'страстно желать'. Нельзя забыть, наконец, и того, что значения 'ждать, страстно желать' и 'жаждать, страстно желать' в целом ряде контекстов являются весьма близкими.

Если данное балто-слав. *geid- следует считать очень древним, восходящим к и.-е. диал. *gheidh-⁷ (см. ниже), то его значение 'ждать' не следует объявить таковым: отсутствие какого-либо общиндоевропейского слова со значением 'ждать' говорит о том, что соответствующие слова с семантикой 'ждать' образовались не в праиндоевропейском, а гораздо позднее, т. е. уже в отдельных его диалектах. Имеются все основания признать, что для данного балто-слав. *geid- значение 'ждать' является позднеобщепалто-славянским и восходит к *'смотреть, пристально глядеть' (ср., напр., н.-в.-нем. *warten* 'ждать' < *'рассматривать', лат. *expectare* 'ждать' < *'высматривать' и т. п.), а последнее — к древнейшему балто-слав. *'светить, сверкать' (ср., напр., греч. *λεῖσσω* 'смотрю, вижу' < *'светить, сверкать' (ср., напр., лит. *laukti* 'ждать', значение которого восходит к *'смотреть, пристально глядеть' < *'светить' (Fraenkel 345).

От этого балто-слав. *geid- 'светить, сверкать' произведено флексивное образование зап.-балт. *gaidis 'шпиеница' (< *'некто светлое')=др.-прусс. *gaydis*, ср., напр., вост.-балт. *kveitis 'шпиеница' — флексивное образование от балт. *kveit- 'светить' и т. п. От того же балто-слав. *geid- 'светить, сверкать' образованы еще: лит. *giēdras* 'ясный, светлый'=лтш. *dziedras* 'azurblau' (< *geid-ra-), лтш. *dzidrs* 'ясный, светлый', лит. *gaisas* 'Lichtschein, Rote am Himmel'=лтш. *gāiss* 'воздух' (< *gaid-sa- ← *geid-) и др., рус. *жидкий* и др. (< слав. *geid-u- 'просвечивающийся, светлый') и т. п.

Правда, только что указанные балтийские слова и, в особенности, лит. *giēdras* 'светлый, ясный' (=лтш. *dziedras* 'azurblau') общепринято этимологически сопоставлять с греческими (только с греческими!) *φαιδρός* 'светлый' и т. п. и возводить их все к и.-е. *g^hai- 'светлый' (Trautmann BSW 75; Pokorny I, 488—489; Fraenkel 128; Топоров. Прус. яз. Е—Н, 128, 132). Данная традиционная этимология нам представляется не обоснованной⁸ прежде всего в отношении корневого вокализма: греч. *φαιδρός* и т. п. содержат дифтонг -ai-, восходящий к *-ai- (Pokorny I, 488), а лит. *giēdras* (=лтш. *dziedrs*) имеет -iē-, который необходимо возводить только к *-ei- (к циркумфлектированному, явно не долготному!). Следовательно, нет основания считать, что указанные восточнобалтийские и греческие слова находятся в родстве, а восстанавливать и.-е. *g^hai- 'светлый' на материале лишь одного греческого языка крайне рискованно. В связи с этим